

ПРОТОИЕРЕЙ
ПАВЕЛ (КАРТАШОВ)

Христоцентричность Шарля Пеги

Французский поэт, эссеист и издатель Шарль Пеги родился в 1873 г. в Орлеане — погиб в сентябре

1914 г. у местечка Вильюа, в начале войны с Германией, сраженный пулей в голову в тот момент, когда он поднимал своих солдат в атаку. Широкая, но кратковременная из-вестность пришла к Пеги еще при жизни, но всеобщему неизменному признанию во Франции, массовым тиражам и включению в программы лицеев и университетов способствовало приближение следующей войны с немцами, 1940–1944 гг.

Пеги — поэт предгрозового, пророческого пафоса. Обращение к защитникам и покровителям отечества — Женеви́еве Парижской, Жанне д'Арк, Святому Людовику — есть для него возможность и средство обращения к Франции, которая должна дорожить своей неповторимостью; к народу, который должен сохранить свою самобытность; к культуре и языку, исчезновение которых, обеднение или растворение в инородном стали бы для мира невосполнимой утратой.

Пеги вошел в общественную и литературную жизнь с жадной предельной честности и так же закончил свой земной путь, оставшись в памяти друзей и недругов несговорчивым борцом за чистоту политической борьбы, за бескомпромиссность в отстаивании идеалов. Прибыл вечным юношей, из рядов профсоюзников и социалистических мечтателей перешедшим в ряды воинов Святой Жанны. Его судьба — это путь от социалиста и ученика Платона и Аристотеля к христианину и народному ополченцу; на этом пути он не отвергает и не предает ничего из прошлого, потому что в прошлом ему нечего стыдиться.

Это даже не путь со сменой ориентиров, а открытие одного феномена в другом,

прорастание или углубление. Органическое развитие, в каждой составляющей которого обнаруживается

психологическое единство личности, ее постепенно раскрывающаяся целостность. К таким вот составляющим, к признакам и подтверждениям душевной цельности и последовательности Пеги можно отнести замысел его первого и пожизненного издательского проекта — «Двухнедельных тетрадей» и осуществление этого замысла, от общей концепции до технических подробностей.

В 1897 г. Шарль Пеги и несколько его близких друзей-единомышленников, столкнувшись с трансформацией идеалов в политику, с карьеризмом и корыстолюбием борцов за будущее социалистическое устройство общества, решили во имя чистоты социалистической идеи, ради чистоты идеалов вообще, ради того, чтобы чистота и честность находили себе прибежище в современности, создать ни много ни мало — «Честный журнал». Начался сбор средств, подбирались материалы. Проекту не дано было осуществиться, но идея честного, всем открытого периодического издания принесла результат позже — первый выпуск «Двухнедельных тетрадей» увидел свет в январе 1900 г.

Готовясь к изданию тетрадей, Пеги заявлял о своем намерении в письмах друзьям и в официальных обращениях представлять каждые две недели, в форме подлинных документов, события политической жизни и высказывать свободно свои мнения о них. Будучи и составителем, и автором, и издателем, Пеги ограничивал себя, декларативно, исполнением роли «гражданина телефониста», устанавливающего и поддерживающего наилучшую из возможных связь между

несхожими, порой весьма, членами «общества взаимного уважения», «федерации сознаний», объединяющей свободных авторов, произведения, подписчиков и администраторов. «Никогда между нами не возникнет отношений подчинения или зависимости, но только сотрудничество свободного человека с таким же свободным, не омраченное духом купли-продажи»¹.

По мере появления новых тетрадей, издание, быстро снискавшее уважение в самых разных кругах общества, от взыскательных университетских до партийных или военных, расширяло вместе с охватом новых тем и свои задачи. Не одна только политика, но и вопросы образования, школьного и университетского преподавания, проблемы военные, экономические, философия и литература отражались на страницах журнала Пеги, который с выпуска первых номеров и серий стал смотреть на свое дело как на организацию заочного высшего образования. Просветительство интересовало Пеги в перспективе подготовки к социальной революции, причем такой, какой она ему виделась: «революция будет нравственной, — неоднократно повторял он, — или ее не будет». В связи с этим возникала подготовительная задача издания; она сводилась к тому, чтобы предоставить свободным людям возможность поддерживать и читать свободную периодику. Пеги в студенчестве готовил себя к преподавательской работе и в издательской деятельности сохранял черты и склонности первого профессионального призвания, учительства и просветительства: он горел желанием «научить людей читать»².

Идеи, склонности, неизгладимые образы и воспоминания, приоритеты, объекты стойкого неприятия складывались в духовной биографии Пеги в своеобразную систему, не застывающую, но гибкую, открытую — некий внутренний мир в осмысляемом изменении. Этот мир двигался поступательно, в направлении сначала смутных идеалов, затем все лучше осознаваемых целей. Целей взаимообусловленных, в перспективе совмещающихся в одну.

Мировоззрение Пеги христоцентрично: в центре его творческого сознания Христос; Он есть смысл и цель жизни и подвигов святых Жанны д'Арк, Женевиэвы Парижской, короля Франции святого Людовика; Евангелие и основы веры по катехизису представляют для Пеги совокупность критериев для оценки произведений классиков литературы и творений философов.

Христианин связан с Христом бесчисленными нитями, линиями, переплетениями невидимыми и таинственными — такой картиной Пеги завершает «Диалог истории с душой во плоти» — и эти нити, сходясь ко Христу и разбегаясь от Него как лучи, связывают всех со всеми. Самая реальная, как утверждает Пеги, реальная в смысле встречи и соединения двух реальностей — духовной и материальной — связь человека с Богом осуществляется в таинстве Общения (по-русски: Причастия). Это связь пребывающего с преходящим, духа и плоти, бесконечного с конечным, вечности со временем, совершенной жизни со своим оскудением.

Итак, проходя через большую часть прозаических произведений Шарля Пеги как их скрепляющая ось, одна открытая и глубокая тема, или идея-образ, доминирует в мировоззрении мыслителя: сочетание незбываемых принципов — с изменчивой ситуацией; или включение вечного — во временное, духовного — в материальное; соединение души и плоти; Бога и человека; тема воплощения, цельности, единства жизни в Боге.

По воспоминаниям сына Шарля Пеги Марселя, его отец «был антиподом ультрамонтана» (противником папской курии). Сын считает, что в данном случае трудно представить что-то иное, так как дорога, приведшая отца к католицизму, видится ясно прочерченной, не скрывающей в ретроспективе ни один из пройденных этапов, уходящей в далекое прошлое, за предел собственной биографии, в античность и в Иудею библейских патриархов. По мысли Марселя Пеги, его отец «не вернулся в католицизм к 1908 г., но пришел к нему. Как иногда отдельные искренние евреи приходят

в Христианство, так мой отец достиг Католической Церкви, выйдя из греческой философии»³.

Марсель Пеги считает, что в лице Шарля Пеги во Франции тех лет жил и трудился один из последних доверчивых и преданных учеников Платона, Аристотеля и Плотина, таких — в отличие от многих прочих, сделавших эллинскую мудрость своей специальностью — которые верили в этих философов, питали к ним своего рода священное почтение, жизнь свою пытались основать на их учении.

В молодости Ш. Пеги называл себя, как пишет Марсель, «последователем греческой религии», он имел в виду верования философов, а в социальной деятельности — «моралистом». Отправляясь от «морализма», от мечтаний о «нравственной революции» (Пеги часто повторял в период своей социалистической активности: «Революция может быть только нравственной, или ее быть не может»), Пеги «поэтапно» приближался к Церкви, причем это внутреннее приближение, совершаемое в уме и сердце, удостоверялось усилиями и внешними, и все вместе находило отражение в его произведениях: в ранней «Мистерии о милосердии Жанны д'Арк», во всех крупных эссе и поэмах. Изучение обширной литературы о жизни и подвиге Орлеанской девы, постоянные раздумья о деяниях и свидетельстве Людовика Святого и мученика Полиевкта (из истории и из трагедии Корнеля) не прошли даром для души мыслителя и поэта, в которой незримо происходили глубокие перемены. И предпринимая паломничества к Собору Богородицы в Шартре, описанные в часто цитируемых стихах из поэмы «Гобелен Богородицы», Пеги, как полагает его сын, не отдалялся от идей и высоконравственных целей первых классиков. Отец повторял, как вспоминает Марсель, что «нельзя быть христианином против кого-либо». Древние трудились, по убеждению Ш. Пеги, чтобы завещать свою мудрость и красоту зданий, скульптур и речи — христианской культуре, чтобы предвозвестить — нечаян-

но, чудесно — Христа и стать — и остаться — участниками Его миссии.

В «Диалоге истории...» Пеги неоднократно возвращается к еще одному излюбленному образу: христиане и, в частности, Отцы греческой и латинской Церквей возводят в вечное значение труды «самых умных из всех людей», мыслителей и поэтов Греции и Рима, основателей, строителей тех основ, на которых прочно стоит христианская цивилизация. Пеги видит «укоренение» христианства — в понятиях, терминах, образах, методах рассуждения — в античности и «прорастание», выявление последней в произведениях искусства, в богословии и философии последующих времен.

Как литературный критик, Пеги дебютировал текстами об А. де Виньи и Э. Золя. Несколькими годами позже, став издателем и редактором «Двухнедельных тетрадей» и автором пространных полемических эссе с обширными эгегическими отступлениями, затрагивавших широкий круг проблем и тем, в том числе и историко-литературных как особенно удобных для выражения собственных убеждений, Пеги в своих монологах касался очень многого, но понемногу, то есть не так, как в критикуемой им Сорбонне писались диссертации — педантично, бухгалтерски скрупулезно, а иначе: так беседуют с друзьями или выступают перед противниками; эмоционально, убеждая примерами истины, явленной в красоте или, что то же, красотой, единственно способной выразить правду. Для Пеги высшей убедительностью обладала красота благородных, жертвенных человеческих отношений, которую он повсюду находил у Корнеля.

Если составить список, соответствующий первому, предхристианскому периоду его литературно-издательской и общественной деятельности (приблизительно с 1900 по 1908 г.) — поэтов, драматургов, романистов и мыслителей, упоминаемых или цитируемых им (хотя бы единожды или дважды, в среднем же — до десяти раз, а к некоторым он апеллировал многократно) — то перечень окажется не кратким. Греки и рим-

ляне в нем выступают внушительной колонной: за Платоном и Аристотелем последуют Гомер, Эпикур, Эсхил, Эзоп, Вергилий, Лукреций, Плутарх, Софокл, Эмпедокл, Эпиктет, Еврипид, Гесиод, Гораций, Тацит, Плотин.

Средние века не отмечены у Пеги персоналиями, но и эта эпоха не безлюдна в его трудах, а обозначена таким смиренным образом, какой и приличен для того мира, в котором развернулась серьезная борьба со страстями: Пеги неоднократно взывал к безымянному, действующему, осязаемому авторитету Отцов Церкви, западной и восточной.

Эпоха Возрождения и последующие века вновь представлены лицами и творениями: Пеги упоминает и цитирует Данте, Вийона, дю Белле, де Монтеня, де Ронсара, Шекспира. К авторам XVII века, своей любимой эпохи, расцвету классицизма, торжеству ясной и рациональной (в теориях, в манифестах) морали и правды, Пеги обращался постоянно, но при этом не распылял своих интересов, а обнаруживал некую избирательность. В фокусе его пристального внимания одни и те же лица: Паскаль, Декарт, Корнель и Расин — в первую очередь; затем, вторым планом, Боссюэ, Мольер, Лафонтен; и реже вспоминаются, как видные деятели своего «блестящего» века, Лейбниц и Спиноза, Фенелон и Мальбранш. Из мыслителей, идеологов, ученых и литераторов эпохи Просвещения, а также XIX и начала XX века в его текстах встречаются чаще других — помимо особо дорогих ему Гюго и Бергсона — имена Бомарше, Беранже, де Виньи, Ламартина, де Мюссе, Канта, Ренана, Тэна, Брюнетьера, Сюлли-Прюдома, Леконт де Лиля, Роллана, Жида, братьев Таро.

Последние шесть лет жизни Пеги прошли под знаком его осознанного, выстраданного и глубокого обращения в христианство. По мере утверждения в вере в Иисуса Христа как Спасителя Пеги самоограничивался, терял влечение ко многому, что привлекало его ранее; его прежний, относительно широкий и рассеянный кругозор добровольно

суживался и вследствие этого приобретал глубину — новую силу проникновения и понимания.

Пеги постепенно сделался критиком небольшого и неизменного числа авторов и тем. «Виктор-Мари, граф Гюго» — это едва ли не самая полная и специальная литературно-критическая работа Пеги, и посвящена она Гюго, Корнелю и Расину. И не обзору творений этих классиков французской литературы, не их значению в истории культуры, а тому, что Жак Виар назвал «философией литературного творчества»⁴, или, по Пеги, «метафизикой» классиков, рассмотренной на примере малого числа произведений. Несравненными для Пеги шедеврами, о которых он, вероятно, никогда не устал бы думать и писать, стали «Полиевкт» Корнеля и «Спящий Вооз» Гюго. Жан Онимюс, известный специалист по творчеству нашего автора, в статье ««Спящий Вооз» в эстетике и теологии Пеги» пишет, что стихотворение Гюго, всегда вызывавшее «почти иступленный энтузиазм» у Пеги, располагает «в самом сердце его сокровенных предчувствий». «Древняя языческая и плотная душа Пеги» стремится к освящению, ищет святости и открывает в своем поиске Христа. «Посредством Вооза Пеги, — размышляет Онимюс, — собирается в целое, уцеломудривается, его греко-иудейская грань совмещается с христианской и обе, усиленные взаимным сочетанием, становятся способными выступить против духа современности, в котором нет ничего ни языческого, ни иудейского, ни христианского»⁵. То есть в котором отсутствует история — человек в становлении и совершенствовании; в котором вовсе нет человека как существа осмысленного, стремящегося к неисчерпаемой завершенности. Ибо только в христианстве осуществляется, согласно самому христианскому вероучению, основы которого Пеги всецело разделял, бесконечное завершение того лучшего, что присутствовало в других, предшествовавших ему исторически религиях, и совершается это не в каком-либо синкретизме, но во Христе и через Христа, соединяющего в Себе —

это с неослабным удивлением созерцал и исповедовал Пеги — Божественную природу и человеческую.

¹ Péguy Ch. (Euvres en prose completes. P., 1987. T.I. P. XXV.

² Ibid. P. XXI.

³ Péguy Ch. Lettres et entretiens. Réunies par Marcel Peguy. P., 1954. T. I. P. 46.

⁴ Viard J. Philosophie de l'art littéraire et socialisme selon Péguy. P., 1969.

⁵ La Révue des Lettres Modernes. Charles Péguy. 3. Peguy un romantique malgré lui. Textes réunis par Simone Fraisse, Jean Onimus. P., 1985. P. 60.